Научная статья
УДК 811.352.3'342
ББК 81.602-1+82.01
С 21

DOI: 10.53598/2410-3489-2022-3-302-67-73

О фонетических особенностях адыгского нартского эпоса

(Рецензирована)

Сара Саферовна Ситимова
Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева, Майкоп, Россия, sara.sitimova@mail.ru

Аннотация:
В статье рассмотрены особенности фонетических процессов адыгских языков в нартском эпосе. Обосновано своеобразие фонетики адыгейского и кабардино-черкесского языков. Отражена специфика аспирированных согласных западных диалектов адыгейского языка в произведениях нартского эпоса. Проанализированы фонетические особенности текстов адыгского нартского эпоса с целью выяснения взаимо-отношений между адыгскими языками и диалектами адыгейского языка. В работе использованы различные методы исследования: описательный, сопоставительный, сравнительный анализ с целью определения места и роли вопросам фонетических особенностей в адыгском нартском эпосе. Практическая ценность исследования состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы на занятиях по адыгским языкам и литературам в образовательных учреждениях. Материалы исследования также могут быть использованы в лекционных и практических занятиях по языкознанию.

Ключевые слова: фонетические особенности, аспирированные согласные, соотношение звуков, специфика, нартский эпос, ритмизирующие функции, звуковое варьирование, фонетика языка, язык эпоса, рефрен.

Для цитирования: Ситимова С.С.О фонетических особенностях адыгского нартского эпоса// Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение, 2022. Вып. 3 (302). С. 67-73. DOI 10.53598/2410-3489-2022-3-302-67-73

Original Research Paper

On phonetic features of the Adyghe Nart epic

Sara S. Sitimova
T.M. Kerashev Adyghea Republican Research Institute for Humanities, Maikop, Russia, sara.sitimova@mail.ru

Abstract:
The article discusses the features of the phonetic processes of the Adyghe languages in the Nart epic. The originality of the phonetics of the Adyghe and Kabardino-Circassian lan-guages is substantiated. The specificity of the aspirated consonants of the Western dialects of the Adyghe language in the works of the Nart epic is reflected. The phonetic features of the texts of the Adyghe Nart epos

are analyzed in order to clarify the relationship between the Adyghe languages and dialects of the Adyghe language. The work uses various research methods: descriptive, comparative, comparative analysis in order to determine the place and role of phonetic features in the Adyghe Nart epic. The practical value of the study lies in the fact that the results obtained can be used in classes on the Adyghe languages and literatures in educational institutions. The research materials can also be used in lectures and practical clas-ses in linguistics.

Keywords: phonetic features, aspirated consonants, sound correlation, specificity, Nart epic, rhythmic functions, sound variation, language phonetics, epic language, refrain.

For citation: Sitimova S.S. On phonetic features of the Adyghe Nart epic // Bulletin of Adyghe State University, Series "Philology and Art Criticism", 2022. No.3 (302). P. 67-73. DOI: 10.53598/2410-3489-2022-3-302-67-73

Введение:

Лексические и грамматические особенности языка нартского эпоса являются довольно яркими и существенными, а фонетические черты в этом плане не так значительны. Имеются в виду наддиалектные фонетические особенности, а не чисто диалектные явления. Так, в частности, каждый певец исполняет эпическое произведение на своем диалекте, в связи с чем появляются разные варианты эпических произведений, отражающие особенности территориальных диалектов. Тем не менее, существуют также обобщенные, наддиалектные фонетические черты, не связанные узкими рамками территориальных диалектов. Некоторые из них обусловлены структурой народной песни, т.е. певческой формой произведений нартского эпоса. Здесь прежде всего обращает на себя внимание преобразование единиц лексического, синтаксического и морфологического уровней на фонетической основе.

Цель и задачи статьи:

Цель – рассмотреть особенности фонетических процессов в адыгском нартском эпосе, охарактеризовать наддиалектные фонетические черты произведений нартского эпоса, выявить и описать фонетические особенности адыгского нартского эпоса.

Задачи – отразить своеобразие адыгейского и кабардино-черкесского языков, определить специфику аспирированных согласных западных диалектов адыгейского языка в текстах нартского эпоса, а также определить роль устно-поэтической речи в развитиифонетических особенностей адыгского нартского эпоса.

Материалы и методы:

В работе проанализированы тексты адыгского эпоса «Нарты», собрания сочинений в семи томах, «Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов» Барагунова В. Х. и Кардангушев З.П. В зависимости от особенностей языка адыгских народов иногда названия местностей, имена нартов варьируют: *Басэ губгъ; Барсэ губгъу; нат, нарт; Орзэмэс; Уазырмэс; Орзэмэдж; Уазырмэдж; Саусэрыкъу; Соусрукъо; Сэосэрыкъо; Сосрыкъо.* В работе использованыразличные методы исследования: описательный, сопоставительный, сравнительный анализ с целью определения места и роли фонетических особенностей адыгского нартского эпоса.

Обсуждение:

В языке эпических произведений песенного жанра, и, вообще, в языке народной песни, широкое распространение имеет переход морфемы, слова, словосочетаний в единицы однопланового порядка. Этой спецификой языка народной песни обусловлено употребление суффикса множественного числа *-хэ* в значении единственного числа. Морфема *-хэ,* предназначенная для певческого исполнения, в конструкции *уишыхэр мышIуыдэдэми (уо*) (вместо *уишыр мышIуыдэдэми)* «если у тебя

не отличный конь» стала чисто фонетической единицей, точнее – ритмизирующим элементом, органически связанным со структурой стиха для придания ритмичности. *...Арэда) зы орыжъыхэри и1эшьы (уо)... (Арэда) уишыхэр мыш1удэдэми (уо)... (Арэда) Ухэусхъытэнэри (уо)...* [1:166].Как можно заметить, приобретая функцию ритмизирующего элемента, морфема (как слово и словосочетание) теряет свое исходное значение, что вполне соответствует закономерностям языка народной песни. Функция элемента *-хэ* в указанном примере, естественно, может быть не понята при его рассмотрении в составе лишь словоформы, так как этот элемент становится не столько чисто фонетической единицей, сколько структурным элементом стиха.

Показательны стиховые окончания в нартских сказаниях, предназначенных для певческого исполнения. Функционально стиховые окончания однотипны. они служат ритмизирующими элементами стиха, лишенными семантического и грамматического содержания. Однако по происхождению стиховые окончания неоднородны, поскольку они относятся к единицам разных уровней. Одни из них восходят к самостоятельным морфемам, другие представляют собой лишь добавочные гласные или слоги. Например, адыгейск. *Нарт Шэбатыныкъо-**ба**... Уарира Ер зинэкъокъогъу-**ба**, Уарира! Хьагъу-шъугъу бэш1ы-**ба**... Уарира! Шыу зыпhамыш1ыжьырэ, Уарира!* «Нарт Шабатнуко (же), Уарира. У кого противники отважные, уа-орэда. У кого множество завистников, уа-орэда. Всадник ни с кем не сравнимый, уа-орэда» [1:187].

Как видим, стиховое окончание ***-ба*** с точки зрения происхождения восходит к утвердительному суффиксу адыгейского языка ***-ба*** *(ытхыгъэ-**ба***«ведь он написал же», *къыхьыгъэ-**ба***«ведь он принес же»). Однако стиховое окончание ***-ба***, в данном случае, также показывает и гордость за Шабатнуко: *Нарт Шэбатныкъуэ-**ба**, уа-уэрэда* «Это же Нарт Шабатнуко!». Правда, свое исходное значение стиховое окончание ***-ба*** утрачивает, становясь просто фонетическим элементом стиха. Например, сравним стиховое окончание ***-ба*** с окончанием ***-къэ*** в кабардино-черкесском языке: *... Уареда! Шы тхъуэжьыр ш1эфш-**къэ**, уареда! Ежъу: Уареда! Уанэ къысхутефлъхьэ-**къэ**-тэ, уареда! Ежъу: Уареда!* – «(Уа) собакой рожденные, уареда... Ежьу: Уареда! «Коня чалого могучего выводят, уареда! Все: Уареда! Оседлайте же его для меня, уареда» [1:202]!

В языке народной песни добавочные фонетические отрезки определены строением стиха, но по происхождению они не связаны с единицами двупланного характера, как это наблюдается в других ритмизирующих элементах (морфемах, словах, словосочетаниях): *(Уэрэдэрэ) нарт Шэбатыныкъо-**я** Жьыу: Уарэ, уэрэдэ! (Уэрэдэрэ) нарт л1ы икъугъэ-**я**... Жьыу: Уарэ, уэрэдэ! (Уэрэдэрэ) л1ы икъугъэ бэш1а-**я**...* «Уара, уарада! (Уарадара) нарт Шабатыныко... Все: Уара, уарада! (Уарадара) нартский витязь доблестный... Все: Уара, уарада! (Уарадара) витязь доблестный, много подвигов совершивший... Все: Уара, уарада» [1:203]!

Добавочные фонетические отрезки образуются по-разному. В одних случаях они представлены одним гласным элементом *(Гъуэгу лъэпэ-лъащ-**а*** вместо *гъуэгу лъэпэ - лъащ): – 1алэдж яунэжъыхэр* «Алиджевых дом старый» *Унэ къопhэфыри,* Дом с углами белыми, *Унэ фыжьы к1ахьыри...* «Дом белый, длинный...» *Унэ къебэ-небэри...* «Дом покосившийся...» *К1эсэныбэр к1этhыри*[1:174]. В других же случаях стиховые окончания, несущие ритмизирующие функции, создаются, как видим, или сочетаниями звуков (например, гласный + сонант + гласный: *Шэбатныкъуэ**йа**, йыкъуыгъэ**йа**...* (в вышеприведенном примере), или отдельными морфемами,

ибо словоформами, утратившими свое значение в сочетании с последним словом стиха (например, -***ба*** в рассмотренном выше примере). В литературе ранее отмечалось, что добавочные гласные в адыгской народной песне обнаруживают широкие типологические параллели в устно-поэтической речи других народов. Добавление гласного к основе слова сопровождается фонетическими процессами. Так, добавочный гласный *а,* присоединяясь к основе, поглощает конечные краткие гласные, что связано с выравнивающей функцией ритмизирующих единиц. Сравним адыгейский текст с кабардинским: *Уэрирэ, уэрирэ, уарира! Уынэ хуыжь лъэбышэ-**шъи**. Жьыу: Уэрирэ, уэрирэ, уарира!* «Дом белый, кособокий». *Жьыу: уарира, уарира, уарира! Абы зы, гуашъэ йыс-**шъи**.* «Одна гуаша там живет». *Жьыу: Уэрирэ, уэрирэ, уарира! Ар бажэ зек1уэк1э-**шъи**. Жьыу:: уэрирэ, уэрирэ, уарира!* «У нее походка лисья». *Жьыу: уарира, уарира, уарира!Уынэ жэхэфэгу**ри**.* «Путь до порога». Жьыу: уэрирэ, уэрирэ, уарира! *Ар йытхьэмэхуак1уэ-**шъи**!*Жьыу: Уэрирэ, уэрирэ, уарира! «Для нее одна неделя»! Жьыу: уарира, уарира, уарира» [1:146]! Здесь каждый стих завершается добавочным гласным ***и***. Данный гласный, хотя и восходит к сочинительному союзу ***и,*** служит лишь средством переработки стиха в кабардино-черкесском языке. Как и адыгейский утвердительный аффикс -***ба,*** союз ***и*** в кабардино-черкесском варианте того же сказания используется не в своем морфологическом значении, а как фонетический отрезок, участвующий в образовании звукового параллелизма.

Вместе с рассматриваемой проблемой – преобразованием отдельных морфологических единиц в ритмообразующие фонетические элементы – в языке устной поэзии, в том числе эпических сказаний о нартах, отмечается явление, в какой-то мере иллюстрирующее обратный процесс. Речь идет о фонетическом объединении семантически и грамматически не значащих, но ритмически повторяющихся элементов со смыслонесущим словом. Например, *Нарты исы к1алэмэ к1эным уыкъадеш1а, Рашьэмэз! К1энхэр къаш1оохьышъи, к1алэхэр къэогъэгъа, Рашьэмэз! Рашьэмэзыр магъышъы ядэжьым къэк1ожьы!* «С мальчиками, в Нартии живущими, в альчики играешь, Рашемез! Альчики у них выиграв, мальчиков плакать заставляешь, Рашемез! Рашемез заплакал и домой вернулся! Рашамез» [1:126]! Ритмическое объединение песенного рефрена *ра* и имени *Ашьэмэз* дает фонетическое целое *Рашьэмэз,* причем последнее характерно не только для конечной позиции (в функции лексического повтора), но и для начальной: *Рашьэмэзыр магъышъы ядэжьым къэк1уэжьы* – «Рашемез заплакал и домой вернулся». Показательно, что фонетическое объединение песенного рефрена и смыслонесущего слова приводит и к морфологическому единству. Например, сравним: *си Рашьы* «мой Раши», *си Рашьэмэз* «мой Рашемез» [1:126]. Таким образом, грамматическая форма притяжательности образуется от фонетически целых единиц, т. е. последние включаются в морфологическую парадигму как имена существительные: *си Рашьы* («мой Раши») <*си + ра + Ашьы; си Рашьэмэз* «мой Рашемез») <*си + ра + Ашьэмэз.* В речи певца рефрен и смыслонесущее слово объединяются в фонетическое целое в разных позициях. При этом степень их спаянности зависит от фонетических условий. Например: *Ахэр зил1ы1уэл1ышъор Албэчыкъоэджи Тутарыщ. Зэрэгьэщынэуи зышыу. Ахэри зэшиблы мэхъу. Зашихымэ ра-шъхьэ къэпхъыгъэ. Мыгьо закъоу ра-къэнагъэмэ Пшъхьэ ыхьыжьыти, сигъэунэхъуи, – ы1уагъ».* – «Облик этот – Альбеча сына Тутарища. Всадник, которым пугают. Их было семь братьев. Головы шестерых ты принес. Злосчастный единственный остался. Твою

голову едва он не унес, чуть меня не осиротил, – сказала» [1:41].

В данном отрывке словоформы *ра-шъхьэ* «их головы», *ра-къэнагъэмэ* «оставшийся» включают песенный рефрен *ра (рашъхьэ* «их головы» – *ра + ашъхьэ; ракъэнагъэмэ* «оставшийся» – *ра + къэнагъэмэ),* хотя степень их фонетической членимости различна. «Говоря о фонетике языка адыгского нартского эпоса, можно отметить звуковое варьирование, свойственное отдельным лексическим группам слов. Особенно выделяются имена собственные, характеризующиеся широким фонетическим варьированием» [2:174]. Достаточно сказать, что имена героев, в том числе основного, главного – героя нартского эпоса, в адыгских языках представлены различными фонетическими вариантами. Например, на адыгейском языке: *Саусырыкъу, Саусэрыкъу, Пэтэрэз, Тутарыщ, Ащэмэз, Шэбатыныкъу, Шэбатныкъу, Орзэмэс и др.* В связи с тем, что в бжедугском и шапсугском диалектах имеются придыхательные (аспирированные) звуки, в произношениях имен героев нартского эпоса появляются некоторые изменения: *Пһэтэрэз 1эщһэмэз, Тутарыщһи* др.Сравниваем также произношение имен нартов на адыгейском языке с произношением имен на кабардино-черкесском языке: *Сосрыкъуэ, Сосэрыкъуэ, Сосырыкъуэ, Созырыкъуэ, Созрыкъуэ; Шьэбатын Бадынокъуэ, Бадинокъуэ, Бэдэнокъуэ, Баднокъуэ, Пэтэрэз, Шэбартыныкъу* и др.

Варьирование характерно для многих топонимических названий. Например, адыгейские названия сравниваем с кабардино-черкесскими: *Арыкъ, Аркъ, архъэ, аркъэны, аргъычы, Къаблэ банэ, Кхъаблэ банэ.* Сосуществование разных вариантов в отдельных случаях обусловлено тем, что разные варианты проникли в адыгские языки в разные исторические эпохи. Например, *Арыкъ, Архъэ.* Подобное фонетическое варьирование отчасти объясняется диалектальными расхождениями в произношении одного и того же слова. Однако в одном и том же диалекте нередко отмечаются разные фонетические варианты. В бжедугских вариантах, например, сказания о поединке Сосруко *с* Тутарищем: *Аргъычы темэным ышъхьэ* «В верховье болота Аргича»; *Арыкъы к1эири темэнти.* «Низовья Арыка болотисто»; *Аркъэныкlэу темэным.* «В болоте низовья Аркана».

В фольклорном произведении, это очень важно и интересно, соединение напева и слова ведет также к значительным фонетическим изменениям строения слова, его слогового состава и деления.

В целях создания единого ритмического рисунка широко используется удлинение конечного слога путем чередования гласных фонем или добавления нового слогового окончания, несвойственного данному слову в его употреблении без напева. Сравним, например, два стиха из шапсугской свадебной песни: *Дынэр зыгъэуыжьырэр синыса! Синысэ зэрышьытэр уэс1уэна!* «Быстро шьющая – моя невестка! Моя невестка какая, тебе я скажу» [3:148]! Впервом стихе звуковая рифма создается с помощью чередования *э:а* в абсолютном исходе: *синысэ – синыса* «моя невестка» (исходная форма *синысэ* удерживается в начальной позиции второго стиха). Во втором стихе звуковая рифма образована чередованием нуля с гласным*а* в той же позиции: *ос1он – ос1он-а* «тебе я скажу».

Для адыгейских песен, в особенности свадебных, характерно образование эпифорического стихового окончания путем удлинения слова – присоединения, к слову, нового слога *я* (*йа*), лишенного смыслового содержания в тексте.

Идэ, идэ тыжьыныя...
Жъыу. Уэрэда!
Идэ тыжьынбгъэк1ы1уя...
Жъыу. Уэрэда!
А гъэминыр зыгъаш1эя
Жъыу. Уэрэда! –

«Пришивай, пришивай серебряный...
Все. Уарада!
Пришивай серебряный нагрудник...
Все. Уарада!» [3:158]!

Как видно, элемент *я (йа),* несущий организующую (рифмообразующую) функцию, присоединяется к именной и глагольной основам, что лишний раз подтверждает его чисто фонетическое происхождение.

В адыгских детских народных «величальных песнях мальчику желают быть мужественным, доблестным воином: *Джахьфарыр фарэм тесэу мэзек1у, Зек1о мак1ошъ дышъэ уанэр къегъашъу.* – «Джахфар на «фаре» разъезжает, В поход как отправится, Золотое седло под ним изнашивается» [4: 229].

Таким образом, как мы это знаем, приведенные примеры свидетельствуют о том, что музыкальная сторона текста оказывает влияние на языковую. Характерной особенностью языка нартского эпоса является то, что традиционные формулы и эпитеты тесно взаимосвязаны. Эпические формулы представляют собой характеристику героя, описание его силы, храбрости, внешнего облика, боевого снаряжения.

Результаты.

Фонетические особенности языка нартских сказаний проявляются на всех уровнях языковой структуры. Особый компонент поэтического языка нартских сказаний составляют эпические формулы. Бывают разные эпические формулы по своей форме и содержанию. Такие формулы включат фольклорные мотивы, постоянные эпитеты, сравнения, стилистические фигуры (чаще всего анафору) в целях усиления выразительности эпической характеристики героя. Традиционной формулой открывается поэтическое сказание, в ней дается яркое описание героя, его характера, а иногда и места, занимаемого им в нартском обществе. Особенностью формулы является ее повторяемость в тексте (нередко с вариациями). Содержание эпической формулы меняется в зависимости от изменения места героя в эпосе, например, сравним формулы-характеристики Сатаней, но традиционная эпическая форма ее строения сохраняется, что в известной мере свидетельствует о некоторой асимметричности развития плана содержания и плана выражения поэтического языка нартских сказаний. В плане языкового выражения эпические формулы-характеристики отличаются устойчивостью и преемственностью традиций, чего нельзя сказать о плане содержания, меняющегося под влиянием экстралингвистических факторов.

Заключение.

Самой отличительной чертой языка адыгского нартского эпоса является своеобразие самого процесса и изменения лексики, грамматики и фонетики, что в значительной степени связано с мастерством и творчеством народного певца. Народный певец не только владеет определенной системой готовых, традиционных средств и моделей, имеющих орнаментальный и обобщенный характер, что делает его язык эпически формульным. Не выходя за пределы поэтики народного стиха, не нарушая заданный ритмико-синтаксический рисунок стихосложения, певец и по-своему может продолжить традиции устного слова. Как показывает материал, очень часто певец прибегает к языковой аттракции. Следовательно, певец заменяет согласно звучащей лингвистической единице: слово, словосочетание, предложение или включает от сердца идущие слова и словосочетания, что приводит к языковому варьированию. А вариативность структуры языка, как можно понять, является необходимым условием развития любой языковой системы.

Песни и пшинатли героического эпоса «Нарты» созданы в глубокой древности на живых наречиях племен и племенных союзов зихо-меото-адыгов. «Эпос этот единственно

ценный памятник древней культуры, свидетельствующий о том, что язык адыгов на протяжении многих веков мало изменился, он жил, набирая сил, сохраняя и обогащая свой основной словарный фонд» [9:198]. Это обстоятельство подтверждается тем, что поэтический строй произведений древнеадыгского эпоса более или менее устойчиво сохраняет в основном свою «стандартную» целостность в силу того, что он заключен в традиционные формулы народного стиха. Он понятен, мало отличается от современного нам языка адыгов.

Примечания:

1. Барагунов В.Х., Кардангушев З.П. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. 2. Москва: Сов. композитор, 1981. С. 166, 187, 202, 203, 174, 146, 126, 41.

2. Кумахов М.А., Кумахова З.Ю. Язык адыгского фольклора. Нартский эпос. Москва: Наука, 1985. С. 174.

3. Барагунов В.Х., Кардангушев З.П. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. 1. Москва: Сов. композитор, 1980. С. 148, 158.

4. Шхабацева М.А., Хакунова Э.Х. Адыгские детские величальные песни // Вестник Адыгейского государственного университета Сер.: Филология и искусствоведение. Майкоп, 2016. Вып. 4 (187). С. 229.

5. Гадагатль А.М. Нарты. Адыгский эпос. Т. 1. Майкоп: Полиграф-ЮГ, 2017. 293 с.

6. Гадагатль А.М. Нарты. Адыгский эпос. Т. 3. Майкоп: Полиграф-ЮГ, 2017. 321 с.

7. Гадагатль А.М. Нарты. Адыгский эпос. Т. 4. Майкоп: Полиграф-ЮГ, 2017. 322 с.

8. Гадагатль А.М. Нарты. Адыгский эпос. Т. 5. Майкоп: Полиграф-ЮГ, 2017. 411с.

9. Гадагатль А.М. Героический эпос. Нарты адыгских (черкесских) народов. Майкоп: Адыг. отд. Краснодар. кн. изд-ва, 1987. С. 198.

References:

1. Baragunov V.Kh., Kardangushev Z.P. Folk songs and instrumental tunes of the Cir-cassians. Vol. 2. Moscow: Sov. composer, 1981. P. 166, 187, 202, 203, 174, 146,126, 41.

2. Kumakhov M.A., Kumakhova Z.Yu. The language of the Adyghe folklore. Nart epic. Moscow: Nauka, 1985. P. 174.

3. Baragunov V.Kh., Kardangushev Z.P. Folk songs and instrumental tunes of the Cir-cassians. Vol. 1. Moscow: Sov. Composer, 1980. P. 148, 158.

4. Shkhabatseva M.A., Khakunova E.Kh. Adyghe children's songs of praise // Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: Philology and the Arts. Maikop, 2016. Iss. 4 (187). P. 229.

5. Gadagatl A.M. The Narts. Adyghe epic. Vol. 1. Maikop: Polygraph-Yug, 2017. 293 pp.

6. Gadagatl A.M. The Narts. Adyghe epic. Vol. 3. Maikop: Polygraph-Yug, 2017. 321 pp.

7. Gadagatl A.M. The Narts. Adyghe epic. Vol. 4. Maikop: Polygraph-Yug, 2017. 322 pp.

8. Gadagatl A.M. The Narts. Adyghe epic. Vol. 5. Maikop: Polygraph-Yug, 2017. 411 pp.

9. Gadagatl A.M. The heroic epic. Narts of the Adyghe (Circassian) peoples. Maikop: Adyghe Dep. of Krasnodar publishing house, 1987. P. 198.

Статья поступила в редакцию 15.07.2022; одобрена после рецензирования 11.08.2022; принята к публикации 21.09.2022.

The paper was submitted 15.07.2022; approved after reviewing 11.08.2022; accepted for pub-lication 21.09.2022.

© С. С. Ситимова, 2022